

УДК 271.2-276.63

Т. В. Авдоница, Е. В. Жилинская

Притча о блудном сыне как символизация тернистого пути человека к Богу

В статье на обширном фактическом материале рассматриваются бытийный и духовный аспекты отображения евангельской притчи о блудном сыне в произведениях живописи и литературы. Делается вывод о том, что лейтмотив вины и искупления и тема безграничной любви – центральные в притче и в изобразительном искусстве.

Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле...

Исход, 20 : 12.

...этот мой сын был мёртв и ожил, был потерян и нашёлся.

Луки, 15 : 24.

Существует мнение о магической концепции происхождения искусства [1, с. 7], ибо оно облакает в форму чувственной красоты Божественные идеи и этим просветляет естество человека, сообщая ему высшие истины и Верховную Правду. Эти высшие идеи, запечатлённые впоследствии творцами искусства – художниками, литераторами, музыкантами – возвестил миру Тот, для Которого они были содержанием всей Его земной жизни, смыслом Его рождения и смерти, целью Его учения. Потребовались века, чтобы люди смогли приблизиться к истинам такой глубины, творчески осмыслить христианские идеи и сделать их достоянием всего общества в попытке изменить несовершенный мир.

Известно, что в первые века христианской эры искусство как таковое не получило должного развития – нужны были проповеди о Спасителе, спасении и конце света; нужны были толкования христианского учения и заложенных в нём идей в виде величайших истин. И лишь спустя века творческие люди дерзнули воплотить религиозно-философские идеи Евангелия в холстах, изваяниях, художественном слове.

Эпоха Ренессанса (14 в.) сломала барьеры церковных догматов и открыла пути для осмысления «истины христианства как Божественного откровения» [2, с. 121] создателям произведений искусства, до сих пор поражающих человечество своей красотой и полнотой. Это, например, уникальная «Божественная комедия» Данте, пьесы Шекспира и Лопе де Вега. Великие художники Возрождения – Сандро Боттичелли, Джотто ди Бондоне, Микеланджело Буонарроти, Андрей Рублёв и др. – приблизили изобразительное искусство к идеалу красоты, «превратили идеи, жившие до тех пор лишь в сердцах праведников и в умах богословов, в живые творения материального мира <...> воплотили Божественную идею в земной красоте человеческих творений» [2, с. 124]. Так, портретные работы и живописные полотна Леонардо да Винчи на библейские сюжеты снискали ему мировую славу, а его «Тайная Вечеря» (роспись фресок миланского монастыря) – это высшее проявление творчества. Другой подход к изображению Евангельских историй у Рафаэля Санти: более образный и вместе с тем универсальный и символичный.

Иисус Христос излагал Своё учение не в пространственных лекциях, а в кратких предложениях. Среди Его высказываний есть притчи, поговорки – ответы на самые разные вопросы и утверждения, связанные с какими-то конкретными ситуациями. Среди Его высказываний есть прямые утверждения, но большая часть их предназначена тем, кто имеет «уши, чтобы слышать». Это притчи-загадки, требующие от слушателей напряжённой работы мысли и духовного

прозрения. Притчи Иисусовы не просто житейские иллюстрации нравственных истин, а обращение к совести человека с завуалированным вопросом: понимаешь ли ты, что с тобой происходит? Притча – это дидактико-аллегорический жанр литературы, близкий к басне; имеет символическую наполненность; «с содержательной стороны отличается тяготением к глубинной “премудрости” религиозного или моралистического порядка» [3, с. 305] и по праву считается пищей для духовной жизни людей.

У Сына Божьего были причины, согласно которым Он говорил с людьми намёками: не все могли принять ту новую Истину, которую провозглашал Господь устами Сына Своего, и нужно было подготовить паству к служению и спасению. Поэтому и притчу о блудном сыне мы воспринимаем в двух аспектах – бытийном и духовном.

На экзотерическом (общедоступном, предназначенном для всех) уровне – это притча о непослушном ребёнке, возжелавшем самостоятельности, свободы от родительского попечительства. Согласно эзотерическому (духовному – скрытому, сокровенному, предназначенному исключительно для посвящённых) подходу под как бы реальными образами, в которых многие могут узнать себя или своих близких, следует понимать символы сакральные.

Обратимся к уровню бытийного понимания притчи о блудном сыне в изобразительном искусстве и литературе. Итак, извечный бином – отцы и дети. Какую роль в нашей жизни играют родители? Чему они стремятся научить детей? Родители дают жизнь детям, воспитывают их, стараются научить добру, любви, честности, хотят, чтобы они стали настоящими людьми, получили образование, продолжили род и т.д. Но отношения детей и родителей часто складываются непросто из-за разницы взглядов на жизнь, несходства мнений, вкусов; из-за того, что дети стремятся поскорее стать самостоятельными, хотят делать всё по-своему и не желают слушать сентенций от старших. Чтобы впоследствии понять и принять правоту своих родителей, многие молодые люди идут нелёгким путем собственных проб и ошибок.

Тема сбившегося с пути и затем покаявшегося человека актуальна в любое время и для любого возраста. И, конечно же, она затронута в главной книге человечества – Библии. Притча о блудном сыне едва ли не самая популярная из всех евангельских сюжетов-иносказаний [4, 5 – Луки, 15]. Это типичная история, которая (в различных вариациях) случается едва ли не с каждым из людей.

Младший сын *одного человека* потребовал свою долю наследства и ушёл из дому, решив жить самостоятельно. Вскоре от отцовского имения ничего не осталось: молодой человек «расточил имение своё, живя распутно». И только когда на него обрушились несчастья, он начал понимать, что «согрешил против неба и пред» своим отцом. «Пришед же в себя...» – как будто он был «не в себе», в глубоком обмороке! – он вдруг всё увидел в истинном свете, опомнился и ужаснулся тому, что наделал, и осудил себя. В Святом Писании речь идёт о двойной вине: молодой человек не только стал нищим и пострадал сам, но своим поступком он нанёс ущерб родительскому имению и причинил боль отцу, чем нарушил пятую заповедь Божию: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле».

В 15-й главе Евангелия от Луки, где изложена эта притча, есть очень важные слова: «Говорю вам, что так же на небе будет бóльшая радость об одном кающемся грешнике, чем о девяноста девяти праведниках, которые не имеют нужды в покаянии» [Луки, 15:7]. В этой главе речь идёт о трёх потерянных вещах: о потерянной овце, о потерянной драхме и потерявшем себя сыне. Заметим, что действие движется от меньшей потери к большей: овца дешевле драхмы, драхма «дешевле» сына. В жизни каждого из нас есть потери малые и большие. Соответственно, есть малая радость, которую испытывает человек, найдя потерянную недорогую вещь, а есть радость великая. Но если овцу и драхму нужно найти, то сын сам должен понять свою вину, раскаяться и прийти к началу, то есть оплакать своё прежнее поведение и принять решение измениться. Это значит, что он свободно делает свой выбор, решая, что для него лучше: покончить со злом или продолжить греховную жизнь и жить в своё удовольствие? Таким образом, путь к исцелению души у всех один: прозреть → обвинить себя → иметь мужество признать ошибки → принять решение измениться. Это важный духовно-нравственный аспект воспитания человека в социуме и в религии.

Сила воздействия притчи о блудном сыне на эмоциональную сферу человека так велика, а тема настолько актуальна, что к сюжету евангельской истории вновь и вновь обращаются прославленные художники всех столетий. Знаменитые полотна, написанные в разное время, позволяют последовательно увидеть сцены из притчи и глубже прочувствовать её смысл. Мы остановимся лишь на четырёх произведениях живописи. Каждый из художников писал свой сюжет жизни персонажа притчи, и можно сложить картины таким образом, чтобы получилось цельное полотно, раскрывающее сюжет притчи пошагово.

На картине нидерландского художника Яна Сандерса ван Хемессена запечатлена ситуация из жизни блудного сына – сцена в таверне, где молодой человек сидит в весёлой компании между подгулявшими женщинами. Пьяные люди, опрокинутые стулья, драка у дверей, разлитое вино на полу – всё говорит о том, что собравшиеся забыли о чувстве собственного достоинства, о нравственных нормах и заповедях Господних (ведь сказано: «не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» [Эфесянам, 5 : 18]). Молодой человек, недавно покинувший дом отца своего, с любопытством и некоторым недоумением наблюдает за происходящим: он всё ещё не похож на своих сотрапезников, но слишком сильно тлетворное дыхание порока, чтобы оно не коснулось не устоявшегося в жизни юноши... Зритель впечатлён правдивым и реалистичным изображением в перспективе, что даёт возможность воспринимать мизансцены художественного полотна как живые образы.

Картина нидерландского живописца Хиеронимуса Босха изображает молодого измождённого невзгодами человека, бредущего по дороге. Он долго жил в ветхом придорожном кабаке, где предавался беспутству. В последний раз он оглядывается (уж не жалеет ли?) на обитель зла, где бездумно растратил своё имущество. Никто не провожает его – таких заблудших не раз видели завсегдатаи притона, и никого не волнует дальнейшая судьба этого человека. Вот и бредёт он неведомо куда, неприкаянный странник, в лохмотьях, полный горьких мыслей и постыдных воспоминаний.

Этот же момент из жизни блудного сына французский художник 19 в. Пюви де Шаванн изображает в стиле Страстей Господних: мизансцена как бы повторяет каноническое изображение снятого с Распятия Христа. Молодой человек наг (в одной только набедренной повязке), он сир и беден; голова его со стыдом опущена, руки прижаты к груди, словно в покаянной молитве. Это всеобщий образ-тип поверженного и отвергнутого человека, способный дать почти физическое ощущение присутствия и сопереживания.

Сцена возвращения блудного сына домой – кульминационная часть притчи, так как именно в ней выражена *идея покаяния и прощения*. В знаменитой сумрачной картине голландского живописца Рембрандта особенно остро чувствуется глубина психологического переживания в позе сына, припавшего к ногам отца своего и замершего в безмолвном раскаянии. Его рубище, бритая голова и потрескавшиеся ступни красноречиво говорят о перенесённых «на свободе» позоре и мытарствах. Отец же с любовью обнимает своего сына, которого, может, уже и не чаял увидеть, жалеет его и, ощущая его боль как собственную, радуется, что сын снова с ним. На картине воплощена евангельская истина, облечённая в незакрепощённую форму группового портрета; эффект светотени без искажений передаёт внутреннее состояние персонажей притчи и личное осмысление этих образов-идей до полного слияния с ними.

Картины исполнены пламенем жертвенности и отчаяния – пламенем, испепеляющим душу, пульсирующим, обжигающим, вызывающим содрогание от воспоминаний о подобных личных ситуациях в твоей жизни в прошлом и предостерегающих от возможных воплощений в будущем. Художническая подлинность этих сюжетов настолько глубока, что зритель как бы ощущает физически возможность такой ситуации и в своей жизни, и от подобной встречи с предвечным пламенем мороз бежит по коже. И здесь, впрочем, нет необходимости объяснять, «что хотел сказать художник» своей картиной. И нет нужды глубокомысленно пересказывать живописное полотно, облекая в случайные слова тот крик души, который потрясённый художник выплеснул красками на холст! Нужно уметь схватывать на лету намёки полутонов или недосказанности освещений или просто понимать многоцветность и многозначность мира окружающего, мира духовного и мира чувственного искусства, ибо худож-

ник говорит на языке колористических оттенков и форм, на языке линий и объёмов, гармонии и диссонансов, а человек воспринимает всё сердцем и духом.

Сюжет о детских дерзновениях привлекал внимание не только живописцев, но и мастеров слова. Интерпретация притчи о блудном сыне есть и в литературе [6]. Хорошо известна трагедия Уильяма Шекспира «Король Лир» о неблагодарных дочерях и родительской слепоте. Сюжет о дочерней неблагодарности лежит в основе произведений А. С. Пушкина «Станционный смотритель» [7] и И. С. Тургенева «Степной король Лир» [8], характер конфликта в которых меняется и переходит из сферы обыденно-реалистической в нравственно-философскую. «Смирненную, но опрятную обитель» станционного смотрителя Самсона Вырина украшает ряд картинок, изображающих евангельскую историю о блудном сыне. Их четыре: на первой «беспокойный юноша» спешит принять благословение и деньги от «почтенного старика в колпаке и шлафроке»; на второй гравюре юноша «сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами»; на третьей герой, потеряв друзей и деньги, пасёт свиней на чужбине; на последней картинке изображено возвращение блудного сына в отчий дом.

Эта история в гравюрах как бы предваряет хорошо известные читателям события пушкинской повести. Проезжий гусар увозит с собой красавицу Дуню – единственную дочь и отраду старика Самсона Вырина. Оставшись один, отец Дуни заболел от горя, а потом отправился на поиски своей дочери: «Авось, – думал смотритель, – приведу я домой заблудшую овечку мою». Огорчённый Вырин не сомневался относительно её будущности: «Не её первую, не её последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою».

Станционный смотритель так и не испытал радости возвращения своей «блудной дочери» в отчий дом, и неизвестно, как умер он – прощая или проклиная Дуню. Она вернулась, но простить её за перенесённые страдания и порадоваться за неё было уже некому: она опоздала, и не испытала душевного облегчения от родительского прощения, как это случилось с сыном в евангельской притче. Отсутствие «духовного света», видимо, не позволило дочери станционного смотрителя прийти к живому отцу и вовремя покаяться. Отчасти Самсон Вырин виновен и сам: он не воспитал в Дуне «страх Божий», и она жила, не боясь неминуемого наказания.

Стремление отдать себя детям, «раствориться» в этой любви присуще и тургеневскому герою – помещику Харлову («Степной король Лир»), отдавшему всё своё состояние неблагодарным дочерям. Возникает ситуация «обманутого отца», в финале погибающего из-за душевной чёрствости своих любимых дочерей. Лейтмотив вины и искупления – один из основных в обеих повестях. Вырин и Харлов несут «груз» трагической вины.

К библейской притче обратился и яркий поэт Серебряного века Николай Гумилёв в небольшой поэме «Блудный сын» [9].

В первой части поэмы герой, находясь в отчем доме, где «книги и ладан, цветы и молитвы», жаждет вырваться в другой мир – мир самостоятельной жизни. Он живёт в достатке и благополучии, но ему хочется борьбы. Он думает, что способен многого достичь, в том числе и в духовном плане:

*Позволь, я твоё преумножу богатство,
Ты плачешь над грешными, а я негодую,
Мечом укреплю я свободу и братство,
Свирепых огнём научу поцелую.*

*Весь мир для меня открывается внове,
И я буду князем во имя Господне...
О, счастье! О, пеньё бунтующей крови!
Отец, отпусти меня... завтра... сегодня!..*

Вторая часть поэмы – это мир роскоши и веселья, в котором оказался герой. Среди «танцовщиц Сидона, и Тира, и Смирны», среди «цветов и вина, дорогих благовоний», среди новых друзей он помнит об отцовских заветах: «Вы помните, верно, отцовское слово, / Я послан сюда был исправить пороки...» Но теперь его взгляды изменились, и он уже не рвётся быть «князем во имя Господне» и видит «один лишь порок – неопрятность, / Одну добродетель – изящную скуку».

Разгульная жизнь приводит сына к нужде – это третья часть поэмы:

Я падаль сволок к тростникам отдалённым

Хозяин, твои целую колена,

*И пошло для мулов поставил в их стойла;
Хозяин, я голоден, будь благосклонным,
Позволь, мне так хочется этого пошла.
За ригой есть куча лежалого сена,
Быки не едят его, лошади тоже;*

*Позволь из него приготовить мне ложе.
Усталость – работнику помощь плохая,
И слепнут глаза от солёного пота,
О, день, только день провести, отдыхая...
Хозяин, не бей! Укажи, где работа.*

Страдая от голода, побоев, бесконечно тяжёлого труда, герой вспоминает отчий дом – мир, где царит благодать – любовь и взаимопонимание, где труд – удовольствие. И перед сыном встаёт образ отца: *«И с думой о сыне там бодрствует ночи / Старик величавый с седой бородою, / Он грустен...»* Осознав свой грех перед отцом родным и Отцом небесным, герой решает вернуться: *«... пойду и скажу ему: “Отче, / Я грешен пред Господом и пред тобою”»*. Другими глазами смотрит он на родные места, вновь чувствуя себя ребёнком, чистым, непорочным: *«За садом возносятся гордые своды, / Вот дом – это дедов моих пепелище, / Он, кажется, вырос за долгие годы, / Пока я блуждал, то распутник, то нищий»*.

В четвёртой части Гумилёв рисует картину торжества – праздника, который отец, предчувствуя возвращение сына, устраивает в его честь. Сколько мыслей роится теперь в голове блудного сына! Так, от гордыни через раскаяние к робкой надежде ведёт автор своего героя.

Из приведённых нами литературных произведений наиболее близка к евангельской притче по глубине сокровенного смысла именно поэма Н. Гумилёва. И этот факт требует некоторых пояснений, поэтому стоит обратиться к эзотерической экзегетике, согласно которой притча о блудном сыне – это символизация тернистого пути человека к Богу.

Итак, у *некоторого человека* (этот человек – Господь) было два сына. Старший беспрекословно исполнял закон и, совершенно естественно, ожидал вознаграждения за своё примерное поведение, не понимая, что спасение – это милостивый дар Господа, а не награда за добрые дела. *Старший сын* всегда был послушен Отцу, но сам не пользовался тем, что принадлежало ему по праву наследника. Так поступают фарисеи – люди, которые в своём служении стремятся к исполнению закона праведности, но не истины. *Младший сын* – это оступившийся человек, который ослушался Отца своего и вышел из руки Божией (потерял покровительство). Так и в поэме Гумилёва герой возомнил себя проповедником во Имя Божие и, не имея по юности своей знаний, достаточных для самостоятельной жизни (проповеди), пошёл искать себе славы проповедника и *«расточил имение своё, живя распутно»* (потерял благословение и у него иссяк Хлеб – Слово Божие; т.е. знания его были не глубоки, а поверхностны, примитивны). Когда *в той стране* (в безбожном обществе) *настал великий голод* (имеется в виду духовный голод), потерявший попечительство отца непослушный сын *начал нуждаться*: он почувствовал, что ему недостаёт того, чем прежде пользовался в изобилии, т.е. полного достатка по милости Отца. И тогда он пошёл *к одному из жителей той страны* (возможно, речь идёт о ложной религии) *пасти свиной* (заниматься презренным, рабским трудом не по душе). *Придя в себя* (осознав и раскаявшись), он решил *вернуться домой* (под покровительство Отца). Отец *увидел сына, когда тот был ещё далеко* (раскаявшийся грешник ещё далёк от Бога, но Всевышний Сам спешит навстречу своему блудному сыну), и *велел дать ему лучшие одежды и обувь* (символ оправдания грешника, пришедшего к Богу в лохмотьях ложной веры, по благодати Бога) и *перстень* (печать Духа) как знак сыновства (Спасения). Одежда, обувь и перстень были отличительными признаками свободного человека, а в данном случае человека, свободно выбравшего путь Спасения. Слова Отца: *«Потому что этот сын мой был мёртв и ожил, был потерян и нашёлся»* нужно понимать так, что в глазах Бога все потерянные грешники мертвы [Эф. 2 : 1, 5], но при покаянии и спасении они оживотворяются [Ин. 5 : 24, 25]. Притча заканчивается всеобщей радостью и ликованием, ведь освобождение от греха, возвращение человека на путь Истины и Веры – это подлинная радость Небес. Таким образом, тема безграничной любви Бога, который ищет грешников (отступников от веры) и призывает их к Спасению, – центральная в притче.

В притчах о пастухе, ищущем овцу, о женщине, ищущей монету и об отце, принимающем своего сына [Луки, 15], раскрывается спасительная любовь Троицыного Бога к людям, то, как работает Божественная Троица, чтобы вернуть грешников через Сына посредством Духа к Отцу. Сын пришёл в Своём человечестве как Пастырь, чтобы найти грешника, как

потерянную овцу, и вернуть его домой [Луки, 15 : 4–7]; Дух ищет грешника так же, как женщина заботливо ищет потерянную монету, пока не найдёт её [Луки, 15 : 8–10]; Отец принимает покаявшегося и возвратившегося в лоно Церкви грешника так же, как «один человек» принимает своего блудного сына [Луки, 15 : 11–32]. Первые две притчи имеют основную мысль: ничтожное, даже самое малое в глазах мира сего является драгоценным для Бога [4, с. 1381], но сколь ценнее для Него человек, возвратившийся с покаянием в Дом Отца своего!

Так, настоящее искусство – это своеобразный духовный инструмент, с помощью которого зрители и читатели способны сделать свой свободный духовный выбор, т.к. искусство – это абсолютная обнажённость души, восхищающая и тревожно сжимающая сердце. Художник – живописец, литератор, музыкант – идёт на ощупь сквозь обжигающее пламя откровений и терзаний и, чтобы избавиться от леденящих душу ужасных видений, он пишет свои произведения; он ищет спасения для себя и своих зрителей и ведёт их к Спасителю через огонь своего творчества. И пока жив человек, ему предписано вновь и вновь падать и подниматься, сожалеть и сопереживать, страшиться и – молиться обо всём сущем в этой юдоли страданий.

Литература

1. Угринович, Д. М. Искусство и религия : теорет. очерк / Д. М. Угринович. – М.: Политиздат, 1982. – 288 с.
2. Платонов, И. Смысл творчества : религиозно-философская мысль / И. Платонов. – Мн.: ООО «Элайда», 1997. – 175 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / Л. Г. Андреев [и др.]; под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
4. Новая Женевская учебная Библия : Священное писание, Синодальный перевод / [Издано в сотрудничестве с «Библейской лигой» и Миссионерским союзом «Свет на Востоке»]. – Hänssler-Verlag, 1998. – 2052 с.
5. Новый Завет : восстановительный перевод. – Анахайм: Живой поток, 1998. – 1458 с.
6. Соловей, Т. С. Притча о блудном сыне и ее изучение в сопоставлении с другими произведениями литературы и искусства / Т. С. Соловей // Уроки литературы. – №12. – 2005. – С. 4 – 10.
7. Пушкин, А. С. Станционный смотритель / А. С. Пушкин // Повести Белкина. – М.: Дрофа. – 2003. – С. 68–74.
8. Тургенев, И. С. Степной король Лир / И. С. Тургенев. – М.: Дрофа, 2001.
9. Гумилев, Н. С. Блудный сын / Н. С. Гумилев // Избранное. – М.: Панорама, 1995. – С. 127–130.

УДК 37.091.32:17.02

Л. Г. Астафьева

Нравственный потенциал урока

В статье на конкретных примерах убедительно доказывается, что урок истории имеет огромный потенциал для нравственного воспитания школьника, способствует формированию убеждений, выработке умения отстаивать свою точку зрения. В статье приводится целый ряд заданий, которые могут быть использованы на уроках истории в реальной практике преподавания предмета.

Понятие нравственность «означает внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек; этические нормы; правила поведения». В этом значении «духовность» и «нравственность» во многом перекликаются. Нравственность есть одно из измерений духовности человека. В Нагорной проповеди Господь дает заповедь, замечательную по краткости и ясности, которая охватывает всю гамму человеческих чувств и нравственные основы